

ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ

Байки космического разведчика

Даля Трускиновская

Байки космического разведчика

«Издательские решения»

Трускиновская Д. М.

Байки космического разведчика / Д. М. Трускиновская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851375-6

Чем заняться на старости лет опытному космическому разведчику? Он покорял планеты, побывал в разных переделках, выучился ругаться на языках двадцати негуманоидных рас. А что же дальше? И вот разведчик переходит на преподавательскую работу. Но студенты-курсанты — такие же хитрюги, как в двадцать первом веке. Учиться они не очень-то хотят и постоянно раскручивают преподавателя на очередную историю из его богатой биографии. А истории в Дальнем Космосе случаются самые удивительные...

ISBN 978-5-44-851375-6

© Трускиновская Д. М.
© Издательские решения

Содержание

Пьяная планета	6
Тридцать три невесты	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Байки космического разведчика

Даля Трускиновская

© Даля Трускиновская, 2017

ISBN 978-5-4485-1375-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пьяная планета

Ну и где ваши расчеты? А-а, вот как... Ну, я все понял. С этим недоразумением вы обратились, ребятишки, по адресу.

Да, по всем математическим выкладкам тут должна быть планета. Кто бы спорил! Во-первых, она там действительно есть, во-вторых, я сам на ней бывал. А почему отсутствует в справочниках и атласах звездного неба – это особая история. Пожалуй, вам, ребятишки, не вредно ее узнать, раз уж вы собрались стать проходимцами...

А что я такого сказал? Так нас, между прочим, многие зовут. Опять же, есть во-первых, и есть во-вторых. Во-первых, мы всюду пройдем. То есть – преград для нашего разведкорпуса не существует. Во-вторых, мы получаем иногда задания, которые плохо монтируются с общими понятиями об этике и морали.

На той самой планете нам нужно было изловить компанию из пятерых образованных, симпатичных молодых людей и одной незамужней и довольно красивой девушки, чтобы доставить на орбитальную живыми или мертвыми. А там им произвели корректировку памяти, даже с риском вытряхнуть из головы девичью фамилию любимой бабушки.

Ай-яй-яй, как плохо! Бяки-проходимцы и беззащитная девушка! Если бы знали дамы из Лиги защиты девичьих прав, меня бы по судам затаскали. Но эти дамы никогда не бывали в Глубоком Космосе и понятия не имеют о словах, которые произносит экипаж, узнав, что штатная норма спиртного давно выбрана, а запасы пополнить негде.

Вам вот преподают высшую математику и прочие глупости, а не преподают того, что должен знать каждый проходимец: классификацию спиртных напитков. Спиртное делится на хорошее, на штатное, и на безвыходное. То есть, употребляемое даже с определенным риском для жизни, потому что другого нет.

Хорошее берешь с собой, сколько помещается в личном контейнере, и оно имеет свойство кончаться первым. Штатное – то, которое полагается каждому члену экипажа из расчета тридцать граммов виски или водки в день для аппетита. Так что мы имеем, опять же, во-первых и во-вторых. Во-первых, космическая конвенция прав человека не нарушается, право на разумную дозу алкоголя соблюдается. Но во-вторых: какая же она разумная?!?

А теперь вернемся к засекреченной планете.

Если вы, ребятишки, заметили, планета находится в зоне постоянных боевых действий... Ну, не совсем в зоне, скорее сбоку и... сверху. Я это так себе представляю. Бывают в Глубоком Космосе тихие места, а бывают такие, которые вечно кто-то между собой делит. Настоящую войну такие склочники ведут редко, настоящая – это на уничтожение, а какое уничтожение, когда вокруг стаями летают всякие межпланетные политические наблюдатели? Так что вялотекущая партизанская война продолжается там, думаю, уже не первое столетие.

Было время, когда наша великая держава тоже каким-то боком к этой унылой склоке пристегнулась. Подробности спросите у кого другого – я не историк, я проходимец. И вообще я об этом узнал, когда наша бригада выползла из анабиозных ванн не на Внешнем кольце Земли, а в доке неведомой орбитальной станции.

Нас несколько дней держали в неведении – что, зачем, почему, какого черта? А мы как раз извели последние запасы штатного спиртного и еще не встали на довольствие по новому месту службы. Словом, плохо.

Вот так сидели мы с небезызвестным Гробусом в боксе и тосковали. Небезызвестен он даже вам... не узнали? Сперва-то он был Глобус, потому что носил на бритой башке карту звездного неба – без подробностей, главным образом зодиак, татуировка классная, в двести пятьдесят шесть цветов. Все еще не узнали? Профессор Виленский. А волосы ему потом на башку искусственные вживили.

Сидели, значит, сухие-сухие! И Гробус от тоски связывался со всеми номерами в списке переговорного блока. Наконец напоролся на доброго человека... почти человека. Все как надо, только вместо ушей такие розовые хвостики с раструбами на концах, один вверх торчит, другой вбок.

И говорит нам этот добрый почти человек:

– Милостивые ребята!

Встроенный переводчик был еще до нас кем-то кастрирован, так что, извините, – милостивые ребята.

– Если вы сообразовали намерения с нами вместе на поверхность, мы почтем за честь припахать вас к общему делу поиска благородного бухла!

– Сеньор! Милорд! – заорал Гробус. – Всеми силами души и тела! Всей мощью разведкорпуса!

О том, что у нас в этом секторе галактики имеется две расы союзников, мы уже знали и не возражали. Могло быть хуже – маленькие зеленые человечки, к сожалению, не выдумка, спросите Гробуса – они у него электробриту сперли. Сказали – на запчасти для своего лайнера.

Нам назначили время и место встречи, но велели брать свою тару – почти человек сказал «амфоры и кувшины», но мы все поняли и приволокли четыре канистры, в которых очень давно плескалось пиво. У них были удобные для переноски ручки да и вместимость приличная, литров по двадцать.

Наш десант выглядел так – мы с Гробусом, вооруженные канистрами, трое раструбоухих, обмотанные тонкими трубками, и еще один тип вообще с пустыми конечностями, ростом мне по пояс, лицом очень похож на собаку мопса, но говорит внятно и, что дорого, без переводчика. Его звали Брртасмагорр – если правильно прорычать, то мороз по коже.

Выбирались мы с орбитальной не просто так, а сунули в лапу диспетчеру сколько надо, и он закрыл глаза на старт нашего челнока.

На поверхности мы из челнока выпрыгнули и сразу его застопорили на полную мощность. Так что мы были повязаны сроками – за те два земных часа, которые нам требовались, чтобы разжиться спиртным, он должен был уйти в здешнюю почву сантиметров на восемьдесят. Если застрянем на четыре часа, придется уже его откапывать. А если на сутки, то даже страшно подумать. Страшная сила – генерированная гравитация!

Но только так мы могли быть спокойны, что его не угонят.

– Пошли, детки, – сказал Брртасмагорр. – Не отставать. С дороги не сходить. Продув пузыря – на ходу.

И мы пошли по тропинке, удобной разве что для Брртасмагорра – он шлепал в полный рост и от удовольствия мотал головой, только щеки полоскались вверх-вниз и вправо-влево, мы их очень хорошо сзади видели. А нам, с нашим ростом, приходилось все время нырять под ветки.

Лес там, конечно, был потрясающий, все цвело и благоухало, птички летали с прехорошенькими мордочками, кто-то в кустах очень мелодично похрюкивал, а уж червяки были – все бы отдал за банку таких выползков к завтрашней рыбалке!

Вдруг слышим – кто-то нам навстречу идет. И даже не идет, а ломится, веточки трещат, птички пищат.

– Дадим дяденьке дорогу, – говорит Брртасмагорр. – Он ничего, безобидный, вот только в брачный сезон очень плюется, а слюна у него ядовитая. Мне как-то на горбовой гребень попало – до пластины прожгло.

А мы с Гробусом, повторяю, новенькие и обстановку знаем только по рассказам и картинкам.

Ладно, отошли.

И появляется тот самый дяденька, который известен нам по видеофайлам как броневой десантник вражеских соединений. Чешуя на нем, ребятишки, с мою ладонь толщиной и вот этак выгнута. Потом уже я подобрал несколько таких чешуек, и мы с Гробусом за них обратно его электробриту выкупили – в другое время и в другом месте. Маленькие-зелененькие эти чешуйки используют для одноместных флаеров, только верхний слой обдирают, чтобы получить прозрачную пластину.

Мы с Гробусом, увидев эти четыре тонны смерти, переглядываемся, а в глазах у нас одно и то же: бежать!

– Тихо, он никого не тронет, – шипит Брртасмагорр. – Вот увидите.

Дяденька повернул шипастую башку, попытался в нашу сторону и побрел себе дальше. Мы поглядели ему вслед и все поняли – он тащил по тропинке целый прицеп на гусеничном ходу.

– Поняли? – спрашивает Брртасмагорр. – И вы, кого бы ни увидели, или притворяйтесь слепыми змейками, или вежливо кланяйтесь, а в переговоры вступать не зачем. Не наше это дело.

– Так враг же! – возмутился Гробус.

– Ну и что? – спросил Брртасмагорр. И рыкнул недовольно.

Мне все хотелось узнать, какие у него там, в складках мопсячьей морды, прячутся зубы. Оказалось – не просто зубы, а челюсти на шарнирах. Перед дракой они выдвигаются вперед и становятся, как у крокодила, а потом обратно втягиваются, вот почему складки. Но это уже потом оказалось.

Пошли мы дальше и, когда лес кончился, увидели забор. Обыкновенный такой частокол, если долго вдоль него шагать – может быть, и ворота найдутся. Я к тому, что мы тот поселок, кажется, раз пять по периметру обошли, пока вовнутрь попали.

И увидели мы там такое милое население, что прямо сердце возрадовалось – как радуется, когда видишь здоровых, ухоженных и веселых детишек... я не про вас. У них были очень светлые личики, а ручки и ножки совсем крохотные, и еще – ни на ком я не увидел оружия. Даже у Брртасмагорра спросил, и он объяснил мне, что эти малыши вообще очень мирные, питаются одними травками и плодами, для них птичку загубить – преступление. А частокол – чтобы не пришлось убивать единственного здешнего опасного зверя, вроде кабана, только с длинной шерстью, если припрется на поиски приключений.

Возле ворот стояли два навеса, такие, чтобы даже высокий человек спокойно вошел и сел на лавку. Мы так и сделали. В глубине потолок был пониже, и там уже помещались только здешние жители. В ряд стояли большие жестяные бочки – и лягушка меня забодает, если это не были штатные емкости родимой типовой космобазы «Приют убогого чухонца»!

Брртасмагорр отправился на переговоры, потом поманил нас. В бочках, как я и думал, было не просто спиртное. Нам дали по кружке за счет заведения, чтобы мы посидели в тенечке и молча распробовали. Так вот, если я по совокупности всего, что в жизни натворил, попаду в рай, то там буду лежать на берегу медленной реки, в которой струится этот напиток, и раз в две минуты делать сладострастный глоточек...

Гробус же сказал, что напишет в завещании: пусть его похоронят в такой жестяной бочке с напитком, чтобы и после смерти он продолжал впитывать это диво всеми порами.

Ну, стало быть, наступило время затариваться.

Растроубухий оратор научил Гробуса, что нужно брать для натурального обмена. Одного одеяла бешеной расцветки, десяти метров хорошего троса и стопки пластиковых стаканчиков как раз нам на четыре канистры хватило.

Нас осчастливили первыми, и мы уселись ждать боевых соратников.

Нашим раструбоухим друзьям божественный напиток залили в трубки, которыми они были обмотаны, и тут только оказалось, что трубки составляют некую сложную конструкцию. Когда она раздулась от жидкости, это было даже красиво.

Наконец дошло дело до Брртасмагорра. Его тут уже знали и, выстроившись цепочкой, стали подносить одну за другой кружки, а он все пил, и пил, и пил...

– А не треснет? – забеспокоился Гробус. Действительно, сперва было непонятно, куда подевалось литров этак двести местного нектара. Когда мы встали и подошли поближе, все стало ясно – у нашего командира вырос здоровенный горб.

– Если понемножку подсасывать, на месяц хватит, – объяснил он.

– А как это получается? – спросили мы.

– Очень просто – два или два с половиной цикла не пьешь, и тогда каналы сами раскрываются. Тут главное – научиться выводить продукт не сразу вниз, а сперва в ротовую полость, это с опытом приходит, – сказал Брртасмангорр. – Тяжеловато таскать, но оно того стоит.

Я, понятное дело, согласился, и тут у Гробуса взгляд сделался таким, не то чтобы совсем испуганным, проходимцы народ не пугливый, но... но...

А каким он должен быть, если на связь выходит начальство? А мы должны быть у себя в боксе, или в кают-компании, или даже в боксе у девчонок, но уж никак не на поверхности с четырьмя пустыми канистрами!

– Отдыхаем, набираемся сил! – рапортует Гробус незримому начальству. – Лежим вот, пьем витаминные коктейли!..

Тут горошинка, пришипленная к его уху, так зазвучала, что даже Брртасмагорр обернулся.

– Так точно, да, на поверхности... – отвечает Гробус, и вид у него пришибленный. – Сейчас же возвращаемся... что?.. Так. Понял. Выполняю.

И тут же наши раструбоухие вдруг окаменели – их, судя по лицам, тоже начальство отыскало. Последним услышал приказ Брртасмагорр.

А когда оно, начальство, вышло из всех трех каналов связи, он оглядел нас сурово, тряхнул брыластой башкой и сказал:

– Ну что, детки, переходим на военное положение? Командиром группы назначен я. Задание все поняли?

Задание было – раз уж мы на поверхности, то следует подстеречь, изловить и доставить на орбитальную некую дурацкую экспедицию, которая непонятным манером оказалась в данной местности, ну и так далее – сами знаете, что пишут в приказах.

– Ничего себе! – говорю. – Тут сколько квадратных миль! Да еще джунгли! Их и всем боевым экспедиционным флотом за десять лет не прочтешь!

– Не извольте беспокоиться, благородный обалдуй, – через транслейт-микрофон отвечает мой приятель-раструбоухий. – Мы имеем познания, где сии почтенные посетители намерены шариться и кантоваться!

– Поймаю, кто его кастрировал – удавлю, – шепнул мне Гробус. Он имел в виду программный блок транслейт-микрофона, понятно.

И повел нас Брртасмагорр какими-то дебрями и буераками, и повел, и повел! Ох, и сопели наши боевые соратники! Мы-то оставили канистры под навесом, а они уже не могли перелить дивный напиток из своих трубок обратно в бочки. И Брртасмагорру досталось – он же в горбу двести литров блаженства волок.

Вывел он нас к полю. Немаленькое такое поле, и все кустиками утыкано – листочки голубые розетками, из них стебельки с метелочками торчат, метелочки желтенькие, пыльца над ними серебристая летает. Сплошное умиление.

Мы на поверхность опустились не с пустыми руками. Худо-бедно, а сканеры при себе имели. Поэтому почтенных посетителей выследили довольно быстро и взяли в окружение.

– Главное – любезность! Нельзя без любезности! – сильно беспокоились раструбоухие. – Без таковой запахло.

– Ну, попробуйте, – позволил Брртасмагорр.

Их было пятеро мужчин и еще девушка. Все – земного роду-племени, все в полевом обмундировании и, кстати, при оружии – оружие я чувю, но не носом, а чем – догадайтесь сами.

– Не извольте беспокоить себя, – сказал им мой приятель-раструбоухий. – Мы почтительно просим и достойно умоляем сваливать.

– Не имеете права, – сказал мужчина, очевидно, бывший старшим. – У нас мандат Академии биологических наук, и Академии астробиологических наук, и Академии прикладной биологии...

Как пошел перечислять эти академии, доставая пластиковые именные карты-мандаты, как пошел сыпать всякими сердитыми словами – мы, оказывается, прерывая экспедицию, наносим всегалактической науке бешеный вред. Послушать – так шестерых сволочей, подобных нам, Вселенная еще не видала. И про нарушение права человека на познание он тоже загнул, куда ж без этого!

Брртасмагорр поднял когтистую лапищу, призывая нас, стоявших за его спиной, молчать во что бы то ни стало. Когда поток красноречия стал мелеть, он позволил оратору замолчать самостоятельно. И тот замолчал.

– Очень хорошо, – сказал Брртасмагорр. – А сейчас вы оставите тут все, что накопили, и погрузитесь в свой челнок.

Повторяю – нас было шестеро, и их – шестеро. Но они – все молодые, поджарые, вооруженные, а мы, если вдуматься, безоружные. К тому же раструбоухие еле шевелятся в своих огромных надутых жилетах из трубок, а наш командир весит больше, чем было бы полезно в хорошей драке.

Стрелять они начали без предупреждения.

Брртасмагорр крикнул, выпустил крокодильи челюсти и кинулся в атаку.

Гробус у нас считался лучшим по экстрим-самбо. Он схлопотал пулю в плечо, но отнял трехствольник у девицы. Раструбоухие соратники втроем насели на одного. А четверо этих ученых гадов кинулись бежать. Один прихрамывал, другой нес правую руку в левой – это уже была работа Брртасмагорра.

– Догони! – крикнул Брртасмагорр. – Нельзя, чтобы улетели! Нельзя!

Он лежал на боку среди кустиков, а из груди били вверх прозрачные фонтанчики.

Я выдернул у жертвы троих раструбоухих большой плазморезак и побежал, куда велено, Гробус, дико ругаясь, – следом.

В нас стреляли, мы тоже стреляли. И так – пока не оказались возле их челнока.

Рядом с люком стояли длинные пластиковые ящики, очень похожие на гробы. Казалось бы – прыгайте, ребята, в люк и уносите ноги, потому что вооруженное нападение на группу кадровых офицеров Солидарных сил – дело подсудное. Так нет же – двое залегли и стали поливать нас белым огнем, а другие двое – заталкивать в челнок первый ящик.

Нам тоже пришлось залечь. И дело шло к тому, что они безнаказанно улетят, а вот мы останемся...

– Ничего! – крикнул Гробус. – Брртасмагорр сейчас свяжется с орбитальной! Далеко не убегут!

– Если он жив, – ответил я, регулируя резак, потому что заряд уже иссякал. – И сдается мне, что их там, наверху, ждет кто-то, кому начхать на нашу орбитальную.

– Но какого черта?! – спросил он.

И тут черт явился – собственной персоной.

Долго объяснять, какие расы в том году ссорились с нами и мирились, с кем и против кого мы объединялись. Этот голубчик, похожий на покрытого шерстью тритона, был как раз самым непримиримым врагом – из тех, что живыми в плен не сдаются. И на черта был здорово похож – имел рога и ярко-красную пасть.

Вот тут мы и вздрогнули.

Если он догадается, что мы – винноводочный десант с орбитальной, полетят от нас клочки по закоулочкам...

Он догадался. Он поднялся на самые задние лапы и заревел инфразвуком.

А потом он взял челнок за шасси и элегантно перевернул вверх дном.

Мы зажмурились, но ненадолго.

Наши противники переориентировались и попытались его подстрелить. С тем же успехом можно стрелять в бетонную плиту стационарного космодрома, а плазморезака у них больше не было.

Он сделал такой прыжок, что кенгуру бы обзавидовался, и стрел наших противников в охапку. Потом этот зверюга свободной шестой конечностью открыл боковой люк челнока и, хватая брыкающихся ученых мужей как попало, запихал их туда всех четверых. После чего люк закрыл, сам вскочил на челнок и хорошенько на нем попрыгал – чтобы все несущие конструкции перекосило и люки как следует заклинило.

Убедившись, что из этой мышеловки без сварочной техники не выбраться, он повернулся к нам.

– Это ваши дураки, козлы, суки позорные, – сказал он, без всякого транслейт-микрофона, с невероятным акцентом, но с очень правильной интонацией. – Не наши. Вы забирайте.

И пошел прочь, таща за собой небольшую цистерну на воздушной подушке.

Когда он скрылся за поворотом лесной тропы и за поросшим лиловой травкой холмом, я усилием воли стряхнул с себя столбняк и пошел разбираться.

В гробах были те самые растеньица с желтыми метелочками, выкопанные вместе с почвой. Наши противники заботливо поместили их на подушки из питательного субстрата.

Гробус, пока я раздирал ему рукав, накладывал повязку и делал экспресс-инъекцию, вышел на связь с орбитальной и доложил обстановку. Оттуда велели охранять покоренный челнок до победного конца.

Гробус вспомнил, что наш собственный челнок стоит застопоренный, а это чревато. Ему велели положить туда Брртасмагора и передать управление на орбитальную – они сами и поднимут, и проведут, и посадят челнок, нашей помощи не требуется.

Тогда он остался при покоренном челноке, а я пошел обратно – помогать Брртасмагору.

Картину я застал печальную – двое раструбоухих приятелей валялись на земле, кажется, без сознания, а их пленник и девушка куда-то подевались. Третий раструбоухий и большим трудом, потому что от трубочных доспехов конечности стали совсем короткие, накладывал Брртасмагору пластыри на грудь, но без толку – фонтанчики так и норовили пробиться. Я опустился рядом на корточки.

– Ты, друг, давай держись, – сказал я. – Потерпи немного, что ли? Сейчас я тебя затащу в челнок, а на орбитальной встретят.

– Трата времени, – ответил он, но я все равно помог ему сесть, обхватил и потащил, и раструбоухий помогал.

До нашего челнока было минут десять ходу, и Брртасмагор, который чувствовал себя все хуже, уже стал изъявлять последнюю волю.

– Слово дай, – просил он. – Что поймал самочку и самца... Их нельзя упускать, их судить надо, нашим походным судом, по закону Оммерсхаймера...

И тут нам повезло!

Навстречу по тропе продирался тот самый бронебойный десантник, которого мы тут уже встретили. А может, и не он, а его родной братец. Когда у них чешуя дыбом и закрывает морду, не понять. Или даже сестрица – говорят, у них и девочки служат.

Мы остановились и он остановился.

По идее, следовало уступить ему дорогу, потому что сам он – как вездеход, да еще тащит за собой прицеп, на котором в ряд – шесть высоких емкостей с узкими горрлышками. Но не могли же мы кидаться в кусты с раненым.

Десантник все понял, покивал башкой и высунул язык. Ничего себе такой язычок, зеленый и сантиметров в сорок.

– Нет, не получится, – сказал на это Брртасмагорр. – До брачного сезона еще далеко.

Десантник подошел совсем близко. Этот жутковатый язычок вытянулся еще больше и острым кончиком коснулся груди Брртасмагорра. Тот вскрикнул.

Я не сразу понял, что тут творится. А это наш смертельный враг, зная свою особенность, пытался прижечь сосуды в Брртасмагорровых ранах. И кое-что у него даже получилось.

Потом он попытел и ушел.

– Да что же тут у вас творится? – спрашиваю я, хотя уже догадался. Но повозмущаться-то надо.

– Благоволите тащить дальше тело, достоуважаемый обалдуй, – ответил раструбоухий приятель.

А чего ж тут не догадаться?

Спиртное такого качества, что все эту местность берегут, как зеницу ока, лишь бы с плантациями, где растут кустики, и с местными жителями, умеющими изготовить из метелочек дивный напиток, ничего не случилось. Ни в Солидарных силах, ни у противников таких дураков нет, чтобы это чудо губить.

Разумеется, время от времени хоть одна фляга попадает в мирные края, далекие от зоны боевых действий. И тут же находится умник, у которого вместо мозгов – портативная машинка для считывания пластиковых кредитных жетонов. Он тут же начинает считать: если развести гигантские плантации на подходящей планете, да освоить технологию, да поставить все это дело на поток, будут бешеные дивиденды! И он нанимает каких-то отставников, или девчонок, которых не пускают в Глубокий Космос, или я уж не знаю кого, и снаряжает экспедицию за рассадой, и платит бешеные деньги, чтобы присутствия на орбите совершенно лишней системы двое-трое суток не замечали.

Но он своей портативной машинкой не может понять одну простую вещь. Сейчас это место, где мастерят божественный напиток, одно на всю галактику с окрестностями. А если появится второе, и третье, и четвертое, и оттуда повезут во все концы огромные цистерны этого райского блаженства, то маленькая планета сразу потеряет свой статус и действительно окажется в зоне военных действий. Ее просто перестанут щадить. Она – не союзник и не противник, она – просто объект, который начнут делить союзники и противники, пока от него не останется мокрое место.

А когда владельцы гигантских плантаций начнут друг другу пакостить, и подпускать всякую заразу, плесень и гниль, и когда плантации на других планетах благополучно загнутся – уже не будет ни одного куста, чтобы все начать сначала.

Точно так же рассуждают и наши враги, чтоб они были живы и здоровы. Потому что и у них есть штатное спиртное, и у них оно кончается раньше, чем сухой паек и боеприпасы.

Вот как оно получается с точки зрения экономики.

Но Брртасмагорр, когда я его, обремененного двумя сотнями литров, затаскивал в челнок, бормотал совсем другое.

– Понимаешь, нельзя, чтобы погубило это местечко, где нам начхать на политику... где враги могут оказаться рядом, за одним столом, с одним пойлом в кружках, и не тронуть друг друга... нельзя, чтобы мы без этого остались, слышишь?.. Должно же быть место, куда приходят нормальные мужики, бойцы, и каждому нальют кружку... Должно, слышишь? И мы все будем его беречь... чтобы сволочи ни одного кустика не украли...

Другой, так сказать, взгляд на проблему.

Во-первых и во-вторых.

Да, а в суд на нас с Гробусом эти бездельники все-таки подали. Они утверждали, что это мы их законопатили в челнок, где им пришлось просидеть без еды и воды двое суток – пока сломанный челнок не доставили на орбитальную. И даже не сами, а в преступном сговоре с вражеским разведчиком.

Не надо было им этого делать. Тут же пошел встречный иск о клевете, наше начальство оплатило толковых юристов, и им же еще выписали штраф за то, что незаконно забрались в зону боевых действий. Плюс резекция памяти, как это бывает, когда дело касается военной тайны. Все по закону! Больше их в тех краях не видели.

А божественный напиток мне иногда присылают. И я пью его точно так же, как пил когда-то штатное спиртное перед едой – по тридцать грамм для аппетита. Теперь это для меня самая разумная доза...

Рига

2005

Тридцать три невесты

Итак, ребяташки, на чем мы вчера остановились?.. Анализировали маршрут экспедиции Клауса Гердера. Насколько я помню, проанализировали и нашли все восемнадцать ошибок, которые сделал Гердер. Но, с одной стороны, мы их нашли и даже составили список, а с другой стороны – мы забыли задать себе вопрос: а как вообще могло получиться, что опытный капитан Гердер совершил эти ошибки? Даю подсказку – какую из них следует считать первой?

Ох, детки, детки...

Ладно, скажу сам. Первая была – за десять лет до экспедиции, когда Клаус Гердер женился на Мэри Орнано... Чего ржете?! Чистая правда.

Не надо жениться на тоненьких глазастых девочках из релакс-зоны. Это – акулы. Это – паучихи. Знаете, что у некоторых видов пауков самка после страстных объятий откусывает голову самцу? Ну вот, Мэри Орнано откусила голову капитану Гердеру. И дальше он летал уже без головы.

Она стала вить гнездо.

А знаете, что женщине нужно для полноценного гнезда? Не просто дом, мебель, детки, цветочки. Ей нужно, чтобы все соседи померли от зависти.

Вот именно поэтому Гердер хватался за все, где только можно заработать деньги. Когда Институт палеоконтакта получил по завещанию сумасшедшего миллионера какие-то невероятные миллиарды при условии, что удастся найти наших предков на шестой Альфы Центавра, Гердер из шкуры вон лез, чтобы стать капитаном экспедиции. Ну и стал.

Он подписал контракт, по которому получал гонорар, достаточный, чтобы купить собственную орбитальную станцию. Думаете, Мэри Орнано пришла в восторг? Она изругала Гердера последними словами – мол, плохо торговался. И он ушел в экспедицию, имея в голове одну мысль: где бы еще раздобыть денежек.

Сынок, вытаци-ка в голокуб крейсер «Золото Рейна», поверни его правым боком, теперь дай вид сверху. Человечка, человечка поставь возле люка, чтобы был понятен масштаб!

«Золото Рейна», чтоб вы знали, Институт палеоконтакта не купил, а взял в аренду. Сэкономил! А почему арендная плата была меньше обычной – никто спросить не догадался. Правду обнаружил Гердер, когда знакомился с крейсером.

Собственно, не было большой беды в том, что в грузовых отсеках были сняты кое-где перегородки и устроены такие емкости, вроде цистерн хитрой формы. «Золото Рейна» лет десять назад, когда оно еще называлось «Аривара Нарихира», экологи использовали для перевозки редких животных. Гердеру вообще грузовой отсек был без надобности. Но отстегнуть и оставить в порту приписки – сами понимаете, он не мог.

Вытаскивать эти цистерны и восстанавливать грузовой отсек в девственном виде – не просто сложно, а очень сложно. Деталей не помню, а помню только, что при установке всей этой дребедени что-то жизненно важное повредили, так что лучше грузовой отсек лишний раз не трогать. То есть, трогать-то можно, но ремонт обойдется больше кадастровой стоимости всего «Золота Рейна». Вот почему арендная плата была процентов на пятнадцать ниже нормальной.

Так вот, взяв на борт компанию шарлатанов в количестве десяти человек и компанию ветеранов разведкорпуса в количестве двадцати человек, чтобы охранять шарлатанов и бить их по рукам, если полезут куда-то не туда, Гердер стартовал и взял курс на первый портал, откуда мог прыгнуть приблизительно в сторону Альфы Центавра. Тогда уже научились отслеживать эти блуждающие порталы, но куда крейсер вывалится после прыжка, Гердер имел темное понятие.

А теперь – немного про ветеранов разведкорпуса. Если человеку осточертели говорящие вулканы, живущие в стратосфере крылатые червяки, хроноклазмы планетарного масштаба и растения, способные всосать в себя и переварить грузового робота, то он может уйти на пенсию в сорок лет. Многие так и делают. Но, посидев дома с полгода, они начинают тосковать и нанимаются на не слишком сложную работу. Так, чтобы задницей к дивану совсем не прирасти.

Когда Гердер вызвал меня на связь, мы с Гробусом мастерили перегонный куб. Кто такой Гробус? Хм... Почитайте в учебнике главу о конфликте с Амангельдой. Там есть эпизод, когда разведкорпус высаживается на спину тамошнего плавучего чудища, вроде огромной черепахи. Так вот – сумасшедший, который прыгал по голове этой черепахи, чтобы заставить ее двигаться в нужном направлении, и был Гробус.

Мы уточнили условия, подумали и согласились. Работа предстояла несложная, суточные нам обещали приличные, а до того времени, когда нас обоих пригласили преподавать в высшем училище разведкорпуса, еще оставалось лет пятнадцать. Земных лет, ребяташки. Это больше, чем вам кажется.

Мы еще думали – брать ли с собой перегонный куб. И решили – брать, в полете доработаем, и будут у нас тихие мужские радости...

Повторите вопрос, курсант! Ах, в учебнике нет фамилии «Гробус»! Естественно, нет. Когда вы натворите в космосе столько, чтобы попасть в учебники, там под вашей физиономией будет подписано «Родриго Перфильев», а не «Засранец Род»... Ну, хорош бы я был, если бы не знал, как вас прозвали после того печального случая в аэродинамической трубе!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.